

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060

Б. А. Шахназаров*

Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции развития международного частного права, его соотношение с международным публичным правом. Отдельное внимание уделяется соотношению публичного и частного в регулировании трансграничных частноправовых отношений, концепции полисистемного комплекса. Отмечается особая роль международного гражданского процесса в системе современного международного частного права. Публичную плоскость реализации носит и основной — коллизионно-правовой метод международного частного права, будучи реализуемым правоприменительными органами, в том числе в контексте применения унифицированных коллизионно-правовых норм. Коллизионно-правовое регулирование затруднительно именовать трендом международного частного права. Выделяется международный (трансграничный) характер международного частного права. Современное международное частное право характеризуется наличием симбиоза традиционных способов государственного материального и коллизионно-правового регулирования и негосударственного регулирования, исходящего от субъектов частноправовых отношений, формируемого с учетом использования современных информационных технологий и зачастую реализуемого в цифровой среде, в том числе с применением негосударственных альтернативных способов разрешения споров, формы реализации которых модернизируются с развитием технологий (ODR, блокчейн-арбитраж, UDRP).

Отмечается формирование «трансграничного частного права», которое является в собственном смысле, в контексте порядка формирования частным, то есть исходящим от субъектов частного права. Выделяются такие тенденции развития международного частного права в современных условиях, как гармонизация, прежде всего электронных способов, механизмов реализации частноправовых отношений; профилизация международного частного права в рамках деятельности международных организаций и трансграничных саморегулируемых организаций; ориентация на единообразное формирование международного частного права в мире и расширение его нормативного состава.

Ключевые слова: международное частное право; трансграничное частное право; тенденции развития; соотношение публичного и частного; нормативный состав.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 44–60. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060.

© Шахназаров Б. А., 2021

* Шахназаров Бениамин Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ben_raf@mail.ru

Modern Trends in the Development of Private International Law and its Place in the Legal System

Benjamin A. Shakhnazarov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ben_raf@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the current trends in the development of private international law, its relationship with international public law. Special attention is paid to the relationship between the public and the private in the regulation of cross-border private law relations, the concept of a polysystemic complex. The special role of the international civil process in the system of modern private international law is noted. Being implemented by law enforcement agencies, also in the context of the application of uniform conflict-of-law rules, the conflict-of-laws method of private international law vests with the public area due to its implementation. It is difficult to call the conflict-of-laws regulation a trend in private international law. The author highlights the international (cross-border) nature of private international law. Modern private international law is characterized by the presence of a symbiosis of traditional methods of state substantive and conflict-of-laws legal regulation and non-state regulation emanating from the subjects of private law relations, formed with due regard to the use of modern information technologies and often implemented in the digital environment, including with the use of non-state alternative methods of dispute resolution modernizing their forms with the development of technologies (the ODR, blockchain arbitration, the UDRP).

The paper highlights the formation of “cross-border private law” that is private in its own nature and in the context of the formation procedure which means that it comes from the subjects of private law. The author highlights such trends in the development of private international law in modern conditions as harmonization, primarily of electronic methods, of mechanisms for the implementation of private law relations; profiling of private international law within the framework of the activities of international organizations and cross-border self-regulatory organizations; orientation towards the uniform formation of private international law in the world and the expansion of its regulatory elements.

Keywords: international private law; cross-border private law; development trends; the ratio of public and private; regulatory composition.

Cite as: Shakhnazarov BA. *Sovremennye tendentsii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava i ego mesto v sisteme prava* [Modern Trends in the Development of Private International Law and its Place in the Legal System]. *Lex russica*. 2021;74(7):44-60. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060. (In Russ., abstract in Eng.).

1. Соотношение международного публичного и международного частного права

Публичные, государственные образования имеют нормативно определенные обязанности перед своими субъектами. В современных условиях глобализации эти обязанности государства распространяются и на иностранные лица. Трансграничные отношения бизнеса, социальные связи между гражданами разных стран, иные частноправовые отношения традиционно регулируются международным частным правом. Не затрагивая концептуально различающиеся в зависимости от системы права подходы к международному частному праву, стоит отметить, что международное частное право в условиях глобализации, стремительного технологического развития общества, новейших вызовов (в частности, пандемии, инфоде-

мии) вынуждено решать задачи, связанные с необходимостью оптимального, объективного, справедливого, гармонизированного правового регулирования широкого спектра частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Важным в обозначенном контексте представляется создание однородных, стабильно и одинаково применяемых в различных государствах норм. Именно предсказуемость и сходство регулирования осложненных иностранным элементом частноправовых отношений в различных государствах способствуют укреплению мировой экономики, развитию глобальных и интеграционных процессов и в конечном итоге положительно влияют на уровень жизни.

При этом наиболее классической формой такого регулирования является правовое регулирование, исходящее от государства в процессе

принятия внутригосударственных нормативных правовых актов или от нескольких государств, что выражается в принятии международных договоров.

Современная правоприменительная практика исходит из особого значения материально-правовых норм международных договоров, регулирующих частноправовые отношения. Так, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», если международный договор Российской Федерации содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению, определение на основе коллизионных норм права, применимого к вопросам, полностью урегулированным такими материально-правовыми нормами, исключается (п. 3 ст. 1186 ГК РФ). На первый взгляд такое толкование выглядит логичным. Но если учитывать то обстоятельство, что далеко не в каждом случае все государства, с правопорядками которых связано спорное правоотношение, являются участниками конкретного международного договора, то применение международного договора к таким отношениям совершенно неоправданно. Кроме того, положения международного договора могут быть по-разному восприняты в национальных нормативных правовых актах разных государств — участников международного договора. Как представляется, обозначенные обстоятельства всё же подтверждают необходимость определения компетентного порядка, т.е. необходимость применения судом коллизионных норм. При этом, если все государства, с правопорядками которых связано спорное правоотношение, являются участниками конкретного международного договора, регулирующего это правоотношение, то представляется совершенно оправданным непосредственное применение норм международных договоров российскими судами на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ независимо от того, самоисполнимым или несамоисполнимым является соответствующий международный договор. В этом контексте уже существует определенная судебная практика. Так, в делах А04-6735/2017, А04-5212/2017 суд на основании общих принципов и общих правил, установленных ст. VII

Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ 1994) и соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994, частью 1 ст. 2 соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.2008 «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза», ратифицированного Федеральным законом от 22.12.2008 № 258-ФЗ, оценивал доводы таможенного органа по определению действительной стоимости ввозимых товаров для таможенных целей. В постановлении от 12.11.2019 № С01-1088/2019 по делу № А10-6263/2018 Суд по интеллектуальным правам в обоснование своей позиции сослался на п. 2 ст. 19 Соглашения ТРИПС о том, что использование товарного знака другим лицом под контролем владельца знака признается для целей сохранения в силе регистрации использованием товарного знака.

Стоит отметить, что традиционно ученые и практики со всего мира проводят четкое различие между международным публичным и частным правом, а сформированный юридической наукой, образовательными подходами и правоприменительной практикой разрыв между этими двумя направлениями развития права и науки выглядит настолько существенным, что их обычно рассматривают как отдельные, взаимоисключающие отрасли права¹. При этом взаимосвязь международного публичного права и международного частного права тесна и проявляется в современных условиях глобализации, развития интеграционных процессов, активизации деятельности международных организаций в сфере международного частного права, отдельных направлений гражданского права, на качественно ином уровне. При различающихся предметах правового регулирования рассматриваемых отраслей права международный договор как традиционный источник международного публичного права и активная деятельность международных организаций играют важнейшую роль в формировании унифицированных подходов к различным аспектам международного частного права, в решении (преодолении) коллизионно-правового вопроса. При этом методы формирования таких подходов сохраняют свой преимущественно

¹ См.: *Fernández Arroyo D. P., Mbengue M. M. Public and private international law in international courts and tribunals: evidence of an inescapable interaction // Columbia Journal of Transnational Law. 2018. № 56(4). P. 799.*

публично-правовой характер. Нормы международных договоров, отражающие международный, наиболее сложный и эффективный уровень регулирования международных частноправовых отношений, в этой связи должны обладать высшей императивностью, должны быть максимально конкретными и должны единообразно восприниматься в национальном законодательстве государств, которые их приняли и к ним присоединились.

Отступление от таких норм со стороны того или иного государства может и должно сдерживаться существующими механизмами ограничительных мер, лежащими, в частности, в плоскости международного частного права (взаимность, реторсии).

При этом взаимодействие норм международного публичного и международного частного права должно учитываться правоприменительными органами. Например, согласно п. 4 указанного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24, если коллизионные нормы об определении применимого права предусмотрены международным договором Российской Федерации, суд руководствуется такими нормами международного договора. При этом отмечается, что суд определяет сферу действия этих норм в соответствии с разд. 2 ч. 3 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (положения о применении международных договоров). Таким образом, конкретный источник международного публичного права позволяет определить сферу действия коллизионных норм для целей регулирования трансграничных частноправовых отношений. Такой уровень взаимодействия представляется оправданным ввиду публично-правового характера принятия всех международных договоров, в том числе направленных на регламентацию частноправовых отношений.

Если проанализировать современные события, связанные с угрозой всему человечеству, — пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, то можно увидеть существенное взаимодействие международного публичного и частного права. Всемирная организация здравоохранения, как международная организация, выполняющая публично-правовые функции, вырабатывая рекомендации для государств по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, ориентирована среди прочего на

выработку и создание единых правовых подходов к борьбе с коронавирусной инфекцией, к предотвращению ее распространения, предполагая регулирование при этом и частноправовых аспектов (интеллектуальная собственность, внедрение и трансфер технологий, отношения клиник с пациентами, некоторые аспекты международной торговли). Во взаимодействии Всемирной организации здравоохранения с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Объединенной программой Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДУ (ЮНЭЙДС) и Институтом национального и международного права в области здравоохранения имени О'Нила при Джорджтаунском университете была разработана юридическая лаборатория COVID-19 Law Lab, которая обобщает информацию правового характера и оказывает поддержку для борьбы с коронавирусной инфекцией во всем мире, принимая во внимание, что правовые механизмы в условиях глобализации должны быть согласованы с международными обязательствами по реагированию на существующие и новые угрозы для здоровья населения².

Обобщение и совместное использование нормативных правовых актов более чем из 190 стран мира призваны содействовать государствам в создании и введении в действие прочной правовой базы для борьбы с пандемией. Разработчики лаборатории отмечают значимость эффективной нормативно-правовой базы для целей стабильного осуществления международных поездок, торговли, а также предоставления основных услуг здравоохранения в условиях пандемии. Приведенные меры позволяют говорить о гармонизирующем правовом регулировании частноправовых отношений характере деятельности международных организаций — традиционных субъектов международного публичного права.

2. Международный гражданский процесс как неотъемлемая часть международного частного права

Подобные современные примеры взаимодействия международного публичного и частного права встречаются и в уже ставших традиционными направлениях исследования в междуна-

² См. об этом: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/22-07-2020-new-covid-19-law-lab-to-provide-vital-legal-information-and-support-for-the-global-covid-19-response> (дата обращения: 23.07.2020).

родном частном праве. Одним из таких направлений является международный гражданский процесс со свойственной ему публично-правовой природой регулируемых общественных отношений³, определяемый в науке и как институт международного частного права⁴. Стоит отметить, что и международный коммерческий арбитраж представляется неотъемлемой частью международного частного права, однако публично-правовые аспекты деятельности международного коммерческого арбитража сводятся главным образом к признанию и приведению в исполнение арбитражных решений — вопросам, которые уже довольно давно успешно разрешены на международно-правовом уровне⁵.

Принятие же в 2019 г. Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам Гаагской конференции по международному частному праву, разработка которой являлась частью Судейского проекта (Judgments Project), работу над которым Гаагская конференция начала еще в 1992 г., ознаменовало логическое завершение деятельности указанной международной организации в сфере международного частного права над важнейшими публично-правовыми вопросами международного гражданского процесса. На официальном сайте Министерства юстиции РФ отмечается, что именно создание предсказуемого и эффективного режима трансграничного исполнения вынесенных судебных решений по гражданским и торговым делам — основная цель Конвенции, а государственное правосудие как механизм разрешения трансграничных споров недостаточно позитивно воспринималось субъектами трансграничных частноправовых отношений ввиду неурегулированности на универсальном международно-правовом уровне вопросов исполнения решений государственных судов одной страны на территории другой⁶. Действительно,

согласование на универсальном международно-правовом уровне единых подходов к признанию и исполнению иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам, обособление этих категорий дел в отдельной Конвенции демонстрирует тесную взаимосвязь международного публичного и частного права, национального процессуального права различных государств, взаимодействие механизмов правового регулирования обозначенных отраслей права.

Таким образом, реализация частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, может быть обеспечена публично-правовыми механизмами, которые дифференцируются с таковыми применительно к внутригосударственным отношениям с учетом объективной специфики таких трансграничных частноправовых отношений.

Связь международного частного права и международного гражданского процесса устанавливается в работах российских ученых через призму анализа вопросов правоспособности иностранных лиц и их гражданских процессуальных прав, проблем определения гражданской правосубъектности иностранного государства, правового режима его сделок и судебного иммунитета, вопросов международной подсудности и коллизионных проблем, признания иностранных законов и юридической силы иностранных судебных решений, равно как и материальных и процессуальных проблем коммерческого арбитража⁷. Международное частное право в этом контексте воспринимает ряд норм, ориентированных на эффективную реализацию частноправовых отношений и ее обеспечение, находясь при этом в публично-правовой плоскости. Обозначенное подтверждается и тенденцией включения в единый нормативный правовой акт на национальном уровне положений международного гражданского процесса

³ См. об этом: *Ануфриева Л. П.* Международное частное право : учебник : в 3 т. М. : Бек, 2001. Т. 3. С. 284.

⁴ При этом не уточняется, рассматривается ли международное частное право как отрасль права или как отрасль правоправедения (см.: *Канашевский В. А.* Международное частное право : учебник. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Международные отношения, 2019. С. 903 ; *Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс : учебный курс : в 3 ч. М. : Городец, 2004. С. 368).

⁵ См.: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.).

⁶ Принята Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам // URL: <http://minjust.gov.ru/ru/novosti/prinyata-konvenciya-o-priznanii-i-privedenii-v-ispolnenie-inostrannyh-sudebnyh-resheniy-po> (дата обращения: 23.07.2020).

⁷ См. об этом: *Лунц Л. А., Марышева Н. И.* Курс международного частного права : в 3 т. М. : Юрид. лит., 1976. Т. 3. С. 12.

(юрисдикция судов, применение процессуальных положений, порядок признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и иных актов государственных органов по вопросам международного частного права)⁸.

Кроме того, современная судебная практика также исходит из возможности реализации и уточнения диспозитивных положений в международном гражданском процессе, в частности в вопросе выбора суда. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» содержатся важные разъяснения о сфере действия пророгационных соглашений, согласно которым, если стороны не договорились об ином, пророгационное соглашение по спору, возникающему из договора или в связи с ним, распространяется и на любые действия сторон пророгационного соглашения, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного договора. Разъяснение процессуальных возможностей сторон еще не возникшего спора, как представляется, является важной составляющей эффективной реализации договорных коммерческих отношений на основе свойственного прежде всего гражданскому законодательству принципа диспозитивности.

В зарубежной доктрине отмечается, что нет необходимости выбирать только одну траекторию регламентации трансграничных частноправовых отношений в рамках классического международного частного права, либо одного из его компонентов (такого как юрисдикция или выбор права), либо в рамках региональной унификации международного частного права (например, как это сделано в ЕС)⁹. Несмотря на то что в рамках этих траекторий трансграничные частноправовые отношения регламентируются различными методами, одновременно может использоваться более одной траектории, что позволяет учесть различные политические интересы и сбалансировать систему международного частного права¹⁰. При этом очевидно, что публично-правовые механизмы

обеспечения таких отношений, включая международный гражданский процесс (в частности, *forum shopping*, пророгационные соглашения) играют значительную роль в упорядочивании трансграничных частноправовых отношений. Судебная практика подтверждает обозначенный вывод и применительно к отношениям, связанным с разрешением споров в международном коммерческом арбитраже. Так, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» правовое регулирование отношений в сфере внутреннего третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража, а также выполнения судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства в Российской Федерации осуществляется, в частности, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. В качестве таких международных договоров выступают, например, Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (далее — Нью-Йоркская конвенция), Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже от 21.04.1961. Так, Нью-Йоркская конвенция применяется для разрешения вопросов, связанных с признанием и приведением в исполнение иностранных арбитражных решений, что уже предполагает использование международных публично-правовых механизмов для целей реализации трансграничных частноправовых отношений.

3. Современные механизмы разрешения трансграничных споров

В современном мире с учетом развития информационных технологий, цифровой экономики взаимодействие публично-правового и частноправового регулирования, прежде всего в части

⁸ См., например: Закон Хорватии о международном частном праве 2017 г.; Закон Венгрии о международном частном праве № XXVIII 2017 г.; Закон Грузии о международном частном праве 1998 г. (в ред. 2016 г.); Закон Доминиканской Республики о международном частном праве № 544-14 2014 г.

⁹ См. Об этом: *Mills A. Private international law and EU external relations: think local act global, or think global act local? // International & Comparative Law Quarterly 2016. Vol. 65, Iss. 3. July 2016. P. 578–579.*

¹⁰ См.: *Mills A. Op. cit.*

дифференциации соответствующих механизмов разрешения трансграничных частноправовых споров, особенно актуально. При сохранении суверенитета государств, включая информационный суверенитет, наращивание числа частноправовых отношений, реализуемых в информационно-телекоммуникационной сети с использованием современных информационных технологий, не означает преодоления публично-правового характера обеспечения реализации таких отношений, включая разрешение трансграничных частноправовых споров.

В качестве примера можно привести такие современные механизмы разрешения отдельных трансграничных частноправовых споров, как блокчейн-арбитраж, рассмотрение доменных споров по принципам UDRP — Принципам единых правил рассмотрения споров о доменных именах, разработанным Всемирной организацией интеллектуальной собственности и принятым Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN) в 1999 г. На первый взгляд полностью частноправовые механизмы разрешения трансграничных споров могут быть обеспечены и государственными механизмами признания и исполнения решений. В частности, как отмечается в науке, в случае с блокчейн-арбитражем при использовании комбинированного способа заключения арбитражного соглашения — с включением его не только в смарт-контракт, но и в обычный договор, составленный в письменной форме, а также при запросе письменного арбитражного решения блокчейн-арбитража практически отпадают проблемы, связанные с его признанием и приведением в исполнение в иностранных государствах на основании Нью-Йоркской конвенции¹¹. Кроме того, применительно к UDRP еще в 2003 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в деле № А56-46111/2003 по спору о доменном имени *denso.com* указал, что для установления содержания честных обычаев при регистрации доменных имен в зоне «.com» могут использоваться положения UDRP корпорации ICANN¹². Таким образом, признавая негосударственные альтернативные способы разрешения трансграничных частноправовых споров, государство публично-правовым методом обеспечивает реализацию частноправо-

вых отношений, а эффективные частноправовые механизмы разрешения споров позволяют минимизировать нагрузку на государственные институты, формируя специализированную экосистему, стабильность и предсказуемость в рамках нее разрешения трансграничных частноправовых споров.

4. Иные аспекты соотношения публичного и частного в международном частном праве

Международный гражданский процесс, международный коммерческий арбитраж, иные механизмы разрешения трансграничных споров представляются символическими, но не единственными примерами тесного взаимодействия международного публичного, национального публичного и международного частного права. Такое взаимодействие можно установить практически по всем подотраслям международного частного права (таким как право международной торговли, право международных перевозок, международное право интеллектуальной собственности и др.). Рассматриваемая связь носит взаимный характер, поэтому и представляется возможным говорить о взаимодействии. Так, исконно частноправовые методы правового регулирования, в свою очередь, имеют регламентирующее влияние на отношения в публично-правовой плоскости. Например, в основном источнике права международной торговли — Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. — содержится положение, согласно которому стороны могут исключить применение настоящей Конвенции либо при определенных условиях отступить от любого из ее положений или изменить его действие (ст. 6). Так, в решении Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 24.03.2017 № 81/2016 состав арбитража признал, что стороны были вправе изменить действие Венской конвенции, распространив ее на отношения, вытекающие из заключенного на аукционе договора купли-продажи, несмотря на то, что согласно п. «b» ст. 2 Венской конвенции она не применяется к продаже с аукциона. Таким образом, по соглашению сторон произошло изме-

¹¹ См. об этом: *Засемкова О. Ф.* Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 165.

¹² См. об этом также: *Терентьева Л. В.* Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 131.

нение положений международного договора, что свидетельствует о прикладном характере и частнопредовой ориентации такого рода международных договоров, изначально заключаемых в публично-правовой плоскости.

Напротив, публично-правовую плоскость реализации носит основной, коллизионно-правовой метод международного частного права, будучи реализуемым правоприменительными органами, в том числе в контексте применения унифицированных коллизионно-правовых норм (содержащихся в международных договорах), а также с учетом преодоления коллизионного вопроса при наличии международного материально-правового регулирования конкретных частнопредовых отношений¹³. Сам вопрос о выборе применимого к частнопредовым отношениям права, который может быть решен субъектами таких отношений в контексте принципа диспозитивности, представляется вопросом вполне глобального характера, конечная реализация решения которого (конечное определение применимого права правоприменительными органами) возможна лишь в контексте признания на публично-правовом (национальном или международном) уровне возможности применения в одной стране законодательства другой.

Так как унификация именно материально-правового регулирования частнопредовых отношений представляется наиболее эффективным направлением регулирующего воздействия международного частного права, коллизионно-правовое регулирование затруднительно именовать трендом международного частного права. При этом, сохраняя свое значение прежде всего для целей справедливого разрешения трансграничных споров на основе объективно «релевантного» применимого права, коллизионно-правовое регулирование нуждается в общей унификации. В обозначенном контексте представляется необходимым наличие международного договора о коллизионно-правовом регулировании общего характера, который закрепил бы обязательства государств признавать и применять иностранное право друг друга на основе коллизионно-правовых норм, установил

бы общие и специальные принципы коллизионно-правового регулирования, предложил бы единые подходы к применению коллизионных норм, иностранного права, унифицировал бы подходы к ограничению признания и применения иностранного права и соответствующим институтам (императивные нормы, публичный порядок, взаимность, реторсии и др.).

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о том, что международное частное право, имея свой уникальный предмет (частнопредовые отношения, осложненные иностранным элементом), традиционно являясь и оставаясь отраслью национального права государств, носит особый, несвойственный иным национальным отраслям права международный (трансграничный) характер, выражающийся в особой роли международного договора как источника международного частного права, а также в особом коллизионном методе международного частного права, направленном на взаимодействие правовых систем разных государств. Современные условия развития технологий, глобальных вызовов, возникающих перед человечеством, государствами, международными организациями, позволяют говорить и об особой «международной роли» международного частного права в сближении правового регулирования частнопредовых отношений в мире, стабилизации, объективном прогнозировании и, как следствие, эффективном развитии мировой экономики.

5. Частный характер формирования и развития международного частного права

Небезынтересными в контексте анализа природы международного частного права и его места в современной системе права представляются концепции разгосударствления права, частного правотворчества и частного правопорядка, рассматриваемые в современной отечественной доктрине как «навязчивый тренд» зарубежной юридической мысли¹⁴. Отмечается такая современная тенденция международного частного права, как сетевой характер частнопредовых

¹³ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». П. 3.

¹⁴ См. об этом: *Мажорина М. В.* Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. № 1. С. 198. См. также: *Cafaggi F.* A comparative analysis of transnational private regulation: legitimacy, quality, effectiveness and enforcement // URL: <http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/acomparative-analysis-of-transnational->

отношений, который предполагает децентрализацию регулирования, формируясь в том числе под воздействием развития информационных технологий, цифрового пространства, в то время как право в формально-догматическом смысле имеет иерархическую структуру¹⁵.

Еще ранее в отечественной науке делался акцент на особой роли концепции сетевого права в создании и развитии сетевого общества для целей модернизации инновационно-инвестиционной сферы общественных отношений¹⁶. Усматривается противоречие в различающемся характере «фрагментарного», «относительно статичного правового ландшафта» и локализованных систем разрешения споров по трансграничным отношениям, интегрированным в глобальную сеть, а международное частное право, оставаясь отраслью права в формально-юридическом смысле, регулируя частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, демонстрирует неготовность к регламентации современных трансграничных отношений сетевого характера, которые могут быть предметом негосударственного регулирования посредством обращения к арбитражным институциям и альтернативному урегулированию споров (ADR)¹⁷.

Обозначенные позиции представляются интересными, отражающими современные реалии развития международного частного права. В то же время «сетевой» характер международного частного права сложно отличить от комплексного характера иных отраслей права, большинство из которых подвержены тенденции межсистемного, межотраслевого порядка формирования и влиянию современных технологий. Влияние развития современных информационных технологий, в свою очередь, представляется более выраженным именно в международном частном праве, поскольку глобальные сети упрощают трансграничные взаимодействия по частноправовым

вопросам, порождая дискуссионные вопросы технологического правопорядка (*lex informatica*, *lex electronica*, *lex digitalis*, *lex networkia*, *lex cryptographia*, *lex media*, *lex registrum*¹⁸) и технологической нейтральности, а концепция применения мягкого права (*soft law*) уже заняла свое особое место в регулировании трансграничных частноправовых отношений (посредством восприятия субъектами отношений), а также в правоприменительной практике (преимущественно международного коммерческого арбитража).

В то же время регламентирующее трансграничные частноправовые отношения воздействие актов негосударственного регулирования (например, Принципов международных коммерческих договоров UNIDROIT, Принципов единых правил рассмотрения споров о доменных именах UDRP), технологий негосударственного регулирования (например, блокчейна, смарт-контрактов, самих технологий разрешения споров, например онлайн-урегулирования споров (ODR)) представляется вполне очевидным, необходимым и эффективным в современных условиях, и, как думается, результаты такого негосударственного регламентирующего воздействия (отдельные акты, технологии) должны восприниматься на наднациональном уровне как своего рода наднациональная надстройка, дополняющая, восполняющая пробелы регулирования общественных отношений и, как следствие, упрощающая государственное регулирование в той или иной области, при этом сохраняя свою самостоятельность, не замещаясь последним и нося в большинстве случаев трансграничный характер, что делает ее особо привлекательной. Например, согласно преобладающему в практике международных коммерческих арбитражей пониманию статьи 28 Закона «О международном коммерческом арбитраже» как позволяющей сторонам избрать в качестве применимого права акт, не

private-regulation-fcafaggi_12062014.pdf (дата обращения: 01.09.2017) ; *Goldmann M.* A matter of perspective: Global governance and the distinction between public and private authority (and not law) // *Global Constitutionalism*. March 2016. P. 48–84.

¹⁵ См. об этом: *Войниканис Е. А.* Парадигмальный сдвиг в современном праве // *Философия политики и права*. М., 2010. Вып. 1. С. 143.

¹⁶ *Голоскоков Л. В., Абакумова Т. И.* Сетевое право и сетевое общество как инструменты обеспечения инвестиционного процесса в современной России // *Публичное и частное право*. 2012. № 3. С. 93.

¹⁷ См. об этом: *Мажорина М. В.* Указ. соч. С. 200–201, 213–214.

¹⁸ См. об этом: *Шахназаров Б. А.* Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 5. С. 140, 143.

являющийся законодательным актом государства¹⁹, международный коммерческий арбитраж нередко выносит решения, согласно которым Принципы УНИДРУА выступают основным регулирующим отношения сторон по договору актом (решение МКАС от 24.05.2013 по делу № 166/2012, ICC Arbitration Case № 8331, Award, 1996). Применение актов негосударственного регулирования в этом контексте представляется важнейшим регулирующим и гармонизирующим разрешением трансграничных споров инструментом.

Если государство не регулирует те или иные частноправовые отношения, т.е. прежде всего не запрещает их реализацию, то такое негосударственное регулирование, конкретизирующее порядок их регламентации, может логически последовать от субъектов частноправовых отношений, замещая и минуя сложные стадии принятия на государственном уровне нормативных правовых актов, что также выражает своего рода волю народа (субъектов частноправовых отношений) в регулировании тех или иных отношений таким альтернативным, прямым способом волеизъявления (чаще всего определенного профессионального сообщества) и представляется оправданным.

Таким образом, современное международное частное право характеризуется наличием симбиоза традиционных способов государственного материального и коллизионно-правового регулирования и негосударственного регулирования, исходящего от субъектов частноправовых отношений, формируемого с учетом использования современных информационных технологий и зачастую реализуемого в цифровой среде, в том числе с применением негосударственных альтернативных способов разрешения споров, формы реализации которых модернизируются с развитием технологий (ODR, блокчейн-арбитраж, UDRP).

6. «Полисистемность» международного частного права и эволюция подходов к месту международного частного права в системе права

В науке широко известна, обсуждаема и концепция полисистемности международного частного права, раскрытая Р. А. Мюллерсоном²⁰. Полисистемность предполагает отнесение международного частного права к международному публичному и национальному праву различных государств; таким образом, комбинируются источники и способы правового регулирования трансграничных частноправовых отношений из различных отраслей права²¹. Разделяя обозначенные взгляды, В. А. Канашевский отмечает, что в контексте отдельного рассмотрения источников международного и национального права международное частное право включает два вида правовых норм — международные и внутригосударственные, которые «не исключаются из международного и внутригосударственного права, но взаимодействуют между собой», причем двойственность источников международного частного права не позволяет рассматривать его ни в качестве отрасли внутригосударственного права, ни в качестве отрасли международного права, ни в качестве самостоятельной правовой системы²².

М. Н. Кузнецов не разделяет рассматриваемый подход. Со ссылкой на М. М. Богуславского он отмечает, что идея полисистемности международного частного права была высказана еще в 1920-е гг. А. Н. Макаровым, а затем разрабатывалась Р. А. Мюллерсоном²³. Согласно этой идее нормы международного частного права, регулируя международные отношения невластного характера, состоят из двух частей: из определенных частей национально-правовых систем и из определенной части международного публичного права. Однако здесь не учитывается разница между системой как явлением реальной действительности и системой как теоретической конструкцией. Исключая наличие свойственных именно международ-

¹⁹ См.: Кискачи М. А. Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 2. С. 53.

²⁰ См.: Мюллерсон Р. А. Соотношения международного публичного, международного частного и национального права // Советское государство и право. 1982. № 2. С. 80–89.

²¹ См. об этом: Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. 4-е изд. М.: Проспект, 2016. С. 37–38.

²² Канашевский В. А. Указ. соч. С. 26.

²³ См. об этом: Богуславский М. М. Международное частное право. М.: Юрист, 1998. С. 26.

ному частному праву норм, концепция полисистемного комплекса фактически нивелирует МЧП как правовое явление, так как без собственных норм права никакая система и никакой комплекс реально существовать не могут²⁴. Действительно, если принять во внимание то обстоятельство, что идея полисистемности, определяя место международного частного права в системе права, формируется лишь на основе двойственной природы источников международного частного права, то это подвергает сомнению традиционные подходы к определению отрасли права прежде всего через предмет — регулируемые общественные отношения. Как отмечает М. Н. Кузнецов, это «теоретически неверно»²⁵, а в силу особого собственного предмета и метода, двойственной природы источников международное частное право предлагает отнести к антиномии, где тезис и антитезис равнодоказуемы²⁶, что, судя по всему, следует из возможности восприятия международного частного права как в качестве части международного публичного права, так и в качестве части национального права.

Рассматриваемая дискуссия — безусловно давняя и интересная, и все подходы имеют право на существование, будучи выражены прежде всего в соответствующих теоретических концепциях. Но если рассматривать место и роль международного частного права в регулировании современных трансграничных частнопрововых отношений, когда достаточно большое значение отводится технологическим способам регламентации, негосударственному регулированию, рекомендательной активности международных организаций, что опосредует процессы сближения права различных государств, то очевидно, что формально-юридическое закрепление норм международного частного права в национальном законодательстве государств, в том числе и восприятие норм международных договоров в национальном законодательстве через призму опосредованного действия несамоисполнимых международных договоров (большинство заключаемых международных договоров — именно такие), не отражает в полной мере объем правового воздействия современного международного частного права.

Являясь, как было отмечено выше, симбиозом государственного и негосударственного способов регулирования трансграничных частнопрововых отношений, включая регулирующие правовые порядки, механизмы регулирования, именно международное частное право формирует наднациональную надстройку регулирования трансграничных частнопрововых отношений, в силу чего его сложно квалифицировать в качестве части международного публичного права (как по предмету регулируемых отношений, так и по источникам).

Не является международное частное право со своей наднациональной надстройкой и частью гражданского права или каких-либо иных отраслей частного права, так как опять же имеет свой специальный предмет, а также метод правового регулирования (коллизивно-правовой). Такая наднациональная надстройка (например, выраженная в *lex registrum*, *lex cryptography*, *lex mercatoria*, *lex sportiva* и т.д.) преодолевает и национальный характер регулирования, превалирующий во внутригосударственном праве. В то же время лишь внутригосударственной отрасли частного права, именуемой международным частным правом, реже коллизивным правом, известны экстра-территориальные форматы применения прежде всего в контексте коллизивно-правового регулирования и применения иностранного права судами на основе коллизивно-правовых норм. Так, согласно п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 стороны договора, осложненного иностранным элементом, в соглашении о применимом праве могут выбрать право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами (выбор нейтрального права) (п. 1 ст. 1210 ГК РФ). Стороны также вправе выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств (например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, Европейские принципы договорного права, Модельные правила европейского частного права). Вопросы, которые не могут быть решены на основе таких выбранных сторонами документов, а также общих принципов,

²⁴ См.: Кузнецов М. Н. Международное частное право как межсистемная совокупность правовых норм // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сборник научных статей / отв. ред.: В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 119–121.

²⁵ Кузнецов М. Н. Указ. соч. С. 120.

²⁶ Кузнецов М. Н. Указ. соч. С. 121.

на которых они базируются, подлежат разрешению в соответствии с внутригосударственным правом, определенным соглашением сторон или коллизионными нормами. Обозначенное свидетельствует о том, что экстратерриториальный характер правоприменения связан с возможностью применять как акты негосударственного регулирования, так и иностранные нормативные правовые акты с учетом волеизъявления сторон правоотношения, что традиционно свойственно именно частнопроводным отношениям.

Таким образом, очевидно формирование «трансграничного частного права», которое является в собственном смысле, в контексте порядка формирования частным, то есть исходящим от субъектов частного права. Такое трансграничное частное право вписывается в рамки действующего национального права одного или чаще ряда государств, признающих такое формирование и соответствующие правила. В современных условиях цифрового общества, развития эффективных дистанционных способов реализации частнопроводных отношений представляется целесообразным развитие международного частного права именно по пути формирования трансграничных частнопроводных правил, исходящих от субъектов частного права, саморегулируемых организаций, различных сообществ, включая информационные сообщества. Государствам в этом контексте, сохраняя минимальные стандарты регулирования трансграничных частнопроводных отношений, целесообразно сконцентрироваться на совершенствовании публичных отраслей права, публично-правовых механизмов, ряд из которых призван обеспечивать легитимную и эффективную реализацию частнопроводных отношений.

7. Расширение нормативного состава международного частного права

В рассмотренном контексте международное частное право в формации трансграничного частного права характеризуется и эволюцией нормативного состава. Традиционные для меж-

дународного частного права унифицированные материально-правовые нормы, унифицированные и внутригосударственные коллизионно-правовые нормы, формирующие его нормативный состав, гармонично дополняются нормами негосударственного регулирования, направленными на прямую и опосредованную регламентацию трансграничных частнопроводных отношений. Прямая регламентация происходит в случае применения норм негосударственного регулирования, которое согласовывается сторонами частнопроводных отношений для применения к конкретным отношениям между ними в контексте действия принципа диспозитивности частного права (традиционные примеры: Свод международных торговых терминов и правил (Инкотермс), разработанный Международной торговой палатой, Принципы международных коммерческих договоров UNIDROIT; современные примеры более узконаправленной регламентации: Правила регулирования лицензионных отношений (LESI Rules of Conduct), правила блокчейн-арбитражей CodeLegit, Confideal, Coinlancer.io, Jury.online, Kleros и др.).

Опосредованная регламентация реализуется путем гармонизирующего национальное законодательство разных стран воздействия типовых законов, регламентов, публикаций, иных рекомендательных актов, разработанных различными международными организациями, осуществляющими деятельность в сфере международного частного права или отдельных его отраслей (многочисленные рекомендательные акты Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ)²⁷, Международного института унификации частного права (УНИДРУА), Гаагской конференции по международному частному праву, Всемирной организации интеллектуальной собственности и др.).

Опосредованная регламентация может быть выражена и в непринятых или не вступивших в силу международных договорах²⁸. Что касается последних, то такие международные договоры могут оказывать реальное влияние на модернизацию национального законодательства. Представляется возможным воспринимать их как особую регулирующую надстройку, кото-

²⁷ См., например, документы, принятые Юнситрал за последние годы: Типовой закон об обеспеченных сделках 2016 г., Типовой закон об электронных передаваемых записях 2017 г., Типовой закон о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации 2018 г.

²⁸ См., например: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 г.

рая может быть выражена в государственном правовом регулировании (временное применение международных договоров, которое не обязывает государство в итоге становится участником международного договора²⁹) или негосударственном регулировании, когда договор не принят, но с учетом его положений вносятся существенные изменения в национальное законодательство.

В качестве довольно символического новейшего примера такого восприятия положений международного договора можно привести Федеральный закон от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”», согласно которому с 27 июля 2020 г. в ГК РФ введены положения об охране географических указаний. На принятие данных положений определяющим образом повлияли нормы Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (в ред. Женевского акта, допускающего охрану одновременно географических указаний и наименований мест происхождения), который Россия даже не подписала, а также проблемы правоприменения. Например, проблемы толкования иностранного обозначения NAPA VALLEY, зарегистрированного в США в качестве сертификационного знака, с точки зрения возможности его регистрации в России в качестве наименования места происхождения товаров были рассмотрены Судом по интеллектуальным правам в 2017 г. в деле № СИП-237/2017, отменившим решение Роспатента об отказе в предоставлении охраны этому обозначению. В свою очередь, решение Суда по интеллектуальным правам было частично изменено постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 30.03.2018 № С01-111/2018. Президиум Суда указал на то, что ни Роспатент, ни суд первой инстанции не оценивали представленные американские документы с точки зрения того, подтверждают ли они (если наименование американского винодельческого региона все же охраняется как наименование места происхождения товара) право компании на подачу заявки на наимено-

вание места происхождения товара в Российской Федерации. При повторном рассмотрении Роспатент сделал вывод о невозможности предоставления охраны в качестве наименования места происхождения товара обозначению, охраняемому в стране происхождения в качестве сертификационного знака.

Рассмотренные усилия направлены на сближение правовых систем разных государств, создание единого или сходного по содержанию правового поля трансграничных частноправовых отношений посредством гармонизации национального права государств.

В современных условиях развития международного частного права не только как отрасли правоведения, но и как отрасли права его нормативный состав помимо норм негосударственного регулирования расширяется также за счет норм национального права, регулирующих частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, поскольку именно сходное, стабильное, предсказуемое правоприменение в международном частном праве разных государств зависит от адекватного мировой практике или тексту международного договора (в том числе не вступившего в силу) восприятия материальных норм, регулирующих трансграничные частноправовые отношения в национальном законодательстве. Кроме того, такие нормы отвечают предмету международного частного права.

8. Иные тенденции развития международного частного права

Интересный новый подход зарубежной правоприменительной практики и науки наблюдается и в развитии принципа автономии воли сторон при коллизионно-правовом регулировании трансграничных коммерческих отношений. Так, Принципы о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам, разработанные в 2015 г. Гаагской конференцией по международному частному праву, породили новый подход правоприменительных органов в странах общего права. Согласно ему необходимо учитывать не только иностранные элементы, подтвержденные в национальной юрисдикции, но и правовые последствия действия международного частного права иностранных государств. Отмечается, что с позиций частного

²⁹ Ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

права (прежде всего гражданского) основной задачей является устранение необходимости в системе коллизионно-правового регулирования (*conflict of law systems*) и ее замена на единообразное законодательство, унифицированное в рамках международного договора на универсальном или региональном уровне (как это реализуется в рамках деятельности большинства региональных организаций)³⁰.

Однако в силу суверенного равенства и независимости государств, недостаточного уровня универсального материального нормотворчества и региональной интеграции полное отступление от коллизионно-правового метода регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, представляется на современном этапе невозможным. Обозначенная тенденция в странах общего права, выражающаяся в учете нормативных положений иностранного права, позволяет говорить о формировании нормативных подходов к международному частному праву как системе норм, в том числе и стремительно появляющихся норм негосударственного регулирования. Кроме того, материальные нормы национального права, которые регулируют частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, действительно воспринимаются как нормы международного частного права и в правоприменительной практике (в том числе судов, принимающих такие нормы иностранного права), что подтверждает вывод о расширении нормативного состава международного частного права.

Тем не менее в рамках общего права разрабатываются альтернативные автономные

системы регулирования частноправовых (коммерческих) отношений, применяемые для разрешения международных споров, такие как суды Международного финансового центра Дубая³¹ или Международный коммерческий суд Сингапура³². (По этому пути пошел и Китай, создавший три международных коммерческих суда для рассмотрения онлайн-споров — в Ханчжоу, Пекине и Гуанчжоу³³.) Например, Международный коммерческий суд Сингапура 14 марта 2019 г. вынес решение по делу B2C2 Ltd против Quoine Pte Ltd³⁴ в сфере договорных обязательств, реализуемых на платформе по обмену виртуальных валют, где каждая транзакция проходила верификацию в блокчейн-реестре. Решение сингапурского суда по обозначенному делу является одним из первых, где во взаимосвязи затрагиваются отношения, реализуемые с использованием блокчейн-технологии, смарт-контрактов и искусственного интеллекта, и оно подтвердило жизнеспособность концепций применимости договорного и деликтного права, права собственности к защите цифровых активов³⁵. Альтернативные способы разрешения споров реализуются и в рамках учреждений международных организаций по конкретным видам частноправовых отношений. Так, российские суды при рассмотрении доменных споров и споров, вытекающих из нарушения прав на товарный знак, учитывают решения Центра арбитража и посредничества ВОИС (решение Суда по интеллектуальным правам от 13.04.2016 по делу № СИП-397/2015; решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 15.09.2016 по делу № 2-6144/16 и т.д.), что свидетельствует об особой роли специализи-

³⁰ См. об этом: *Marzorati O. J. Book Review. Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law)*. Hart Publishing (2019); 408 Pages // *Business Law International*. 2020. № 1 ; *Douglas M. C., Bath V., Dickinson A., Keyes M. Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law)*. Hart Publishing (2019). 408 p.

³¹ Dubai International Financial Centre (DIFC) Courts. URL: <https://www.difccourts.ae/> (дата обращения: 23.07.2020).

³² Singapore International Commercial Court (SICC). URL: <https://www.sicc.gov.sg/> (дата обращения: 23.07.2020).

³³ См. об этом: *China Establishes Three Internet Courts to Try Internet-Related Cases Online: Inside China's Internet Courts Series-01* // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/insights/china-establishes-three-internet-courts-to-try-internet-related-cases-online.html> (дата обращения: 23.07.2020).

³⁴ [2019] SGHC(I) 03 [Quoine I]. See also the appellate judgment of the Singapore Court of Appeal: *Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd* [2020] SGCA(I) 02 [Quoine II] // URL: https://www.sicc.gov.sg/docs/default-source/modules-document/judgments/b2c2-ltd-v-quoine-pte-ltd_a1cd5e6e-288e-44ce-b91d-7b273541b86a_8de9f2e2-478e-46aa-b48f-de469e5390e7.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

³⁵ См. об этом: *Kulms R. Blockchains: Private Law Matters* // *Singapore Journal of Legal Studies*, Mar. 2020. P. 64.

рованных арбитражных центров в защите нарушенных прав при реализации трансграничных частноправовых отношений. Важную гармонизирующую роль в этом контексте выполняют и принципы, на основе которых такие центры выносят решения (например, Принципы UDRP; принципы, вытекающие из положений Вашингтонской конвенции 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами). Подобные процедуры зачастую содержательно и репутационно более привлекательны для сторон спора, а также позволяют сократить нагрузку на государственные суды.

Помимо обозначенных тенденций, существует и проблематика потенциального дисбаланса договорных методов регулирования частноправовых отношений, реализуемых внутригосударственными материально-правовыми нормами, с коллизионно-правовым регулированием, что, в частности, свидетельствует о прогрессивном характере применения гармонизирующих правил (рекомендательных актов). А так как эволюция международного частного права предполагает учет конкурирующих интересов международного характера, последовательности и предска-

зуемости правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, с правилами о международной вежливости и национальном суверенитете в более тесно связанной глобальной коммерческой среде³⁶, то ориентация на единообразное формирование международного частного права в мире, в том числе и с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих упорядочивать и автоматизировать внутренние процессы, в том числе и регламентацию трансграничных частноправовых отношений, представляется важной траекторией развития международного частного права.

Проведенный анализ позволяет выделить такие тенденции развития международного частного права в современных условиях, как гармонизация прежде всего электронных способов, механизмов реализации частноправовых отношений, профилизация международного частного права в рамках деятельности международных организаций и трансграничных саморегулируемых организаций, ориентация на единообразное формирование международного частного права в мире и расширение его нормативного состава.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ануфриева Л. П.* Международное частное право : учебник : в 3 т. — М. : Бек, 2001. — Т. 3.
2. *Богуславский М. М.* Международное частное право. — М. : Юрист, 1998.
3. *Войниканис Е. А.* Парадигмальный сдвиг в современном праве // *Философия политики и права.* — М., 2010. — Вып. 1.
4. *Голоскоков Л. В., Абакумова Т. И.* Сетевое право и сетевое общество как инструменты обеспечения инвестиционного процесса в современной России // *Публичное и частное право.* — 2012. — № 3.
5. *Засемкова О. Ф.* Разрешение споров с помощью технологии блокчейн // *Актуальные проблемы российского права.* — 2019. — № 4.
6. *Канашевский В. А.* Международное частное право : учебник. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М. : Международные отношения, 2019.
7. *Кискачи М. А.* Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу».* — 2019. — № 2.
8. *Кузнецов М. Н.* Международное частное право как межсистемная совокупность правовых норм // *Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сборник научных статей / отв. ред.: В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова.* — М. : Статут, 2017.
9. *Лунц Л. А., Марышева Н. И.* Курс международного частного права : в 3 т. — М. : Юрид. лит., 1976.
10. *Мажорина М. В.* Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2018. — № 1.
11. *Международное частное право : учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева.* — 4-е изд. — М. : Проспект, 2016.
12. *Мюллерсон Р. А.* Соотношение международного публичного, международного частного и национального права // *Советское государство и право.* — 1982. — № 2.

³⁶ См. об этом: *Douglas M. C., Bath V., Dickinson A., Keyes M.* Op. cit.

13. *Нешатаева Т. Н.* Международное частное право и международный гражданский процесс : учебный курс : в 3 ч. — М. : Городец, 2004.
14. *Терентьева Л. В.* Разрешение арбитражными центрами доменных споров по процедуре UDRP // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2014. — № 4.
15. *Шахназаров Б. А.* Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* — 2019. — № 5.
16. *Cafaggi F.* A comparative analysis of transnational private regulation: legitimacy, quality, effectiveness and enforcement // URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/acomparative-analysis-of-transnational-private-regulation-fcafaggi_12062014.pdf (дата обращения: 01.09.2017).
17. *Fernández Arroyo D. P., Mbengue M. M.* Public and private international law in international courts and tribunals: evidence of an inescapable interaction // *Columbia Journal of Transnational Law.* — 2018. — № 56(4).
18. *Goldmann M.* A matter of perspective: Global governance and the distinction between public and private authority (and not law) // *Global Constitutionalism.* — March 2016.
19. *Douglas M. C., Bath V., Dickinson A., Keyes M.* Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law). — Hart Publishing, 2019.
20. *Kulms R.* Blockchains: Private Law Matters // *Singapore Journal of Legal Studies.* — Mar. 2020.
21. *Marzorati O. J.* Book Abstract. Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law). Hart Publishing (2019); 408 Pages // *Business Law International.* — 2020. — № 1.
22. *Mills A.* Private international law and EU external relations: think local act global, or think global act local? // *International & Comparative Law Quarterly.* — 2016. — Vol. 65, Iss. 3.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2021 г.

REFERENCES

1. Anufrieva LP. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik: v 3 t* [International private law: textbook: in 3 volumes]. Moscow: Bek publ.; 2001. (In Russ.).
2. Boguslavsky MM. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. Moscow: Yuist Publ.; 1998. (In Russ.).
3. Voinikanis EA. *Paradigmálny sdivig v sovremennom prave* [Paradigm shift in modern law. *Philosophy of Politics and Law.* 2011. (In Russ.).
4. Goloskokov LV, Abakumova TI. *Setevoe pravo i setevoe obshchestvo kak instrumenty obespecheniya investitsionnogo protsessa v sovremennoy Rossii* [Network rules and the network society as tools for the investment process in modern Russia]. *Public and Private Law.* 2012;3. (In Russ.).
5. Zsemkova OF. *Razreshenie sporov s pomoshchyu tekhnologii blokcheyn* [Dispute Resolution By Means of Blockchain Technology]. *Actual Problems of Russian Law.* 2019;4(1):16--167) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.101.4.160-167. (In Russ.).
6. Kanashevsky VA. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik* [Private international law: textbook]. 4th ed. Moscow: International Relations Publ.; 2019. (In Russ.).
7. Kiskachi MA. *Ispolzovanie printsipov unidrua v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe v otsutstvie soglasheniya storon ob ikh primenenii* [The use of the UNIDROIT Principles in international commercial arbitration in the absence of an agreement between the parties on their application]. *Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal.* 2019;2. (In Russ.).
8. Kuznetsov MN. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo kak mezhsistemnaya sovokupnost pravovykh norm* [Private international law as an intersystem set of legal norms]. In: Golubtsov VG, Kuznetsova OA (eds). 7th Perm Congress of Legal Scholars: Collection of Scientific Articles. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
9. Luntz LA, Marysheva NI. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t* [The course of private international law: in 3 volumes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1976. (In Russ.).

10. Majorina MV. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v usloviyakh globalizatsii: ot razgosudarstvleniya k fragmentatsii [International private law in the context of globalization: from denationalization to fragmentation]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;1. (In Russ.).
11. Dmitrieva GK (ed). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [International private law: textbook]. 4th ed. Moscow: Prospect Publ.; 2016. (In Russ.).
12. Mullerson RA. Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo, mezhdunarodnogo chastnogo i natsionalnogo prava [Correlation of international public, international private and national law]. *The Soviet State and Law*. 1982;2. (In Russ.).
13. Neshataeva TN. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodnyy grazhdanskiy protsess: uchebnyy kurs: v 3 ch [Private international law and international civil process: training course: in 3 parts]. Moscow: Gorodets; 2004. (In Russ.).
14. Terentyeva LV. Razreshenie arbitrazhnymi tsentrami domennykh sporov po protsedure UDRp [Resolution of domain disputes by arbitration centers under the UDRP procedure]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;4. (In Russ.).
15. Shakhnazarov BA. Kompleksnaya vzaimosvyaz blokcheyn-tekhnologii i obektov intellektualnoy sobstvennosti v transgranichnykh chastnopravovykh otnosheniyakh [Complex interconnection of blockchain technology and intellectual property in cross-border private law relations]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;5. (In Russ.).
16. Cafaggi F. A analysis of transnational private comparative regulation: legitimacy, quality, effectiveness and enforcement. Available at: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/acomparative-analysis-of-transnational-private-regulation-fcafaggi_12062014.pdf (Accessed: 01 Sept 2017).
17. Fernández Arroyo DP, Mbengue MM. Public and private international law in international courts and tribunals: evidence of an inescapable interaction. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2018;56(4).
18. Goldmann M. A matter of perspective: Global governance and the distinction between public and private authority (and not law). *Global Constitutionalism* [March 2016].
19. Douglas MC, Bath V, Dickinson A, Keyes M. Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law). Hart Publishing; 2019.
20. Kulms R. Blockchains: Private Law Matters. *Singapore Journal of Legal Studies*. Mar. 2020.
21. Marzorati OJ. Book Abstract. Commercial Issues in Private International Law: A Common Law Perspective (Studies in Private International Law). *Business Law International*. 2020;1.
22. Mills A. Private international law and EU external relations: think local act global, or think global act local? *International & Comparative Law Quarterly*. 2016;65(3).